

Не считая едва не случившегося столкновения с манипулятором крана “Вульфси” последняя смена в распределительном центре храма-кузни магоса Тарентека закончилась хорошо. Авреем не только не выбился из строгого графика материальных логистов, но даже успел приступить к погрузке недавно построенных кадианских танков на десантный корабль.

Он отстегнул ремни от командного трона “Виртанена” и начал болезненное отключение десятков мозговых кабелей, тянувшихся из шлема управления. С каждым неприятным разъединением ясно очерченные на ноосферном сенсориуме направляющие линии крана, коэффициенты растягивания/сжатия, уровни нагрузки и длина катушки медленно исчезали из поля зрения.

Вынув последний разъём, Авреем взял старые наушники и прижал их к ушам, а затем начал спускаться по покачивавшейся металлической лестнице, прикреплённой к решётчатой башне крана. Кабина управления располагалась почти в ста пятидесяти метрах от палубы, но Авреем не испытывал головокружения, он проработал на кранах Джоуры слишком долго, чтобы осталась боязнь высоты.

Многочисленные манипуляторы крана расходились от кабины управления, словно прочные стальные щупальца гигантского кальмара. Все десять двухсотметровых манипуляторов “Виртанена” могли подниматься и опускаться, вращаться на триста шестьдесят градусов или действовать более сложными способами, если пожелает оператор. Каждый был оснащён множеством приложений: обычными крюками, магнитами, разнообразными режущими и сварочными инструментами, а также более специализированными механодендритными клещами-манипуляторами.

“Виртанен” являлся относительно небольшой машиной, но он был крепким, надёжным и обладал хорошей грузоподъёмностью, которая противоречила его низкому статусу в сравнении с колоссальными кранами, управляемыми самим Тарентеком. Его история эксплуатации и конструктивная прочность впечатляли, а дух-машина ждался нового оператора.

Но это не был “Савицкас”. Это был неутомимый кран, непреклонная рабочая лошадь-машина, которая казалось предчувствовала каждую команду, и никогда не желала отпускать транспортные контейнеры с первого раза.

По словам Тота Мю-32 предыдущий оператор нового командного трона Авреема погиб во время нападения пиратов эльдар.

– Думаю, “Виртанен” ждал тебя, – сказал Тота Мю-32, когда Авреем в первый раз сел на командный трон. – Его имя означает “маленькая река”, но даже самая маленькая река со временем может подточить гору, так? Думаю, ты прекрасно устроишься.

Авреему нечего было ответить на это, и он просто пожал плечами, всё ещё испытывая неловкость, когда люди считали его благословлённым Машиной. Разумеется, он не чувствовал никакой близкой связи с божеством всех машин. Тота Мю-32 сказал, что такие люди, как он – редкость, и показал искусно вживлённую электронную татуировку на оставшейся коже,

которая выглядела, как свернувшийся дракон с серебряной и бронзовой чешуёй.

Когда Авреем спросил надсмотрщика, что она означает, Тота Мю-32 ответил, что это символ запрещённой марсианской секты, сделавшей своей целью поиск благословлённых Машиной людей и поклонение им. Говорили, что архимагос Телок – цель исследовательского путешествия – тоже был благословлён и если верить ходящим по кораблю слухам, то Омниссия обратил Свой взор и на магоса Блейлока. Тота Мю-32 считал важным знаком, что судьбы трёх таких людей связало одно путешествие, физическим проявлением Создателя, Потомка и Движущей Силы.

Авреем молча слушал проповеди Тота Мю-32, считая ревностный пыл надсмотрщика неуместным и даже несколько отталкивающим.

Конечно он не чувствовал себя хоть сколько-нибудь особенным.

Твёрдая металлическая бионическая рука, пересаженная к правому плечу, словно издевалась над его верой.

Аугметическая конечность была изготовлена после того, как неспособный стрелять контрабандный плазменный пистолет взорвался от перегрева и расплавил плоть и кости, после убийства из него предводителя эльдар. Авреем не любил вспоминать тот момент: пронзительный ужас атаки ксеносов-убийц, которая закончилась тем, что врагов изрубил на кровавые куски смертоносный киборг-машина, видимо, принявший его, как нового хозяина. Молитвы Себастьяну Тору и кровавый отпечаток руки открыли дверь в дормис-палату аркофлагелланта, что Тота Мю-32 и многие другие сочли знаком божественной благосклонности.

Авреем отбросил мысли о благоговении Тота Мю-32, зная, что секундная невнимательность может стоить жизни, когда находишься в сотнях метрах над твёрдой стальной палубой.

Он продолжил спускаться по лестнице и даже несмотря на наушники, шум в храме-кузне казался почти оглушительным. По периметру храма подобно скелетам зауроподов с огромными шеями возвышались мощные машины, над ними по подвешенным рельсам грохотали арочные краны, перемещая контейнеры, которые весили тысячи тонн, с лёгкостью кадианца, несущего вещмешок. Магос Тарентек лично работал на осевой линии храма-кузни, занимаясь самыми большими и тяжёлыми контейнерами. Его составные загрузочные руки свисали из центрального машинного хаба, где покоились органические части тела фабрикатуса ковчега, как биологические остатки принципсов богов-машин.

Большинство контейнеров, загруженных огромными корабельными кранами, содержали модульные адамантовые пластины и элементы конструкции для нижних палуб. Километры обшивки оторвались от корпуса “Сперанцы” из-за путешествия сквозь Шрам Ореола и огня орудий военного корабля эльдар – сделав целые районы ковчега Механикус непригодными для проживания. Кузницы на носу производили для ремонтных бригад миллионы метрических тонн крайне необходимых комплектующих, но Авреем опытным глазом видел, что темп

замедлялся, потому что поставки сырья на “Сперанцу” исчерпывались.

Он добрался до одной из транзитных галерей на отвесных стенах храма-кузни и остановился отдышаться. Воздух здесь был горьковатым и электрическим с резким химическим привкусом, вызывая у работавших тут людей острые боли в горле и повышенные затруднения дыхания. Это наряду с месяцами на нижних палубах и изнурительными сменами в перерабатывающих залах или на заправке плазменных двигателей, плюс недосыпание и только питательная паста для поддержания сил подкосили некогда крепкое телосложение Авреема. Ежедневные дозы шайна Хоука мало помогали, но порой они были единственным, что могло заставить уснуть.

Он провёл рукой по бритому черепу, решение, которое он и собратья-крепостные приняли в порыве справедливого негодования на желание Механикус превратить их в дронов, впрочем, на взгляд магосов они ими и были. Хотя действия во время атаки эльдар несколько улучшили их судьбу, гнев Авреема на бесчеловечное отношение к крепостным с нижних палуб всё ещё тлел, как присыпанный огонь. Их содержали, как рабов и рассматривали просто как активы, цифры и смертные ресурсы, что превращало существование крепостных в кошмар, который мог закончиться только смертью.

Механикус же считали, что для крепостных честь служить так Омниссии!

Авреем сплюнул комок масляной мокроты и вернулся на лестницу. Внизу он увидел Хоука и Койна, спускавшихся из вспомогательных кабин, откуда они управляли артикуляцией и связью различных соединителей с перемещаемым грузом.

На палубе их ожидали две фигуры в капюшонах, одна в красно-золотой мантии надсмотрщика Механикус, а другая закутанная в чёрный плащ кающейся смерти. Оба человека преданно посмотрели на него. Авреем не любил говорить ни с одним из них, правда Расселас X-42 и не был многословен.

Наконец он спустился на палубу и снова вдохнул насыщенный химикатами воздух.

- Хорошая смена, - произнёс Тота Мю-32. - “Виртанен” сработался с вами.

- Он - хороший кран, - ответил Авреем. - Меньше, чем тот, к которому мы привыкли, но у него есть сердце.

- Он - не “Савицкас”, - добавил Койн, повторив ранние мысли Авреема.

Хоук пожал плечами. - По мне один подъёмник такой же, как другой, - сказал он.

- Это показывает, как ты разбираешься в кранах, - сказал Авреем. - Чем ты занимался на Джоуре?

- Избегал работы изо всех сил, - язвительно заметил Койн, поведя плечами, чтобы уменьшить зуд пересаженной кожи на спине, куда попал острый осколок диска эльдар.

- В точку, - подмигнул Хоук. - После того, как меня вышвырнули из полка, я работал в основном на Карго-8с, перемещая контейнеры между складами и суборбитами. Хотя это тяжёлое занятие в сравнении с модератусом крана.

Авреем удивлённо посмотрел на Койна, и напарник скрыл усмешку от мальчишеского энтузиазма Хоука. Месяц монотонного труда и он дважды подумает о том, чтобы сравнить работу во вспомогательной кабине крана с чем-то похожим на роль модератуса титана.

- Можно? - спросил Тота Мю-32, протягивая руку и собираясь осмотреть новую кожу на висках и лбу Авреема. Тот кинул, а Расселас Х-42 напрягся от фамильярного прикосновения надсмотрщика. Авреем махнул аркофлагелланту успокоиться. Неважно сколько раз Авреем велел ему перестать считать определённых людей угрозами Расселас Х-42 по-прежнему рассматривал всех приближавшихся, как потенциальных убийц.

Хотя теперь на нём были просторные одеяния, тяжёлые рабочие ботинки и кевларовый бронежилет, подогнанный под невероятно мускулистую фигуру, Расселаса Х-42 не возможно было принять ни за кого иного, кроме палача, кем он и был. Пусть сейчас его руки и скрывали широкие рукава мантии кающегося грешника, они оставались блестящими серебром электро-цепями, способными с одинаковой лёгкостью разрывать сталь и кости. Затылок и макушку черепа защищал металл, а на лбу гордо покоилась круглая Шестерёнка Механикус из кроваво-красного железа. В тенях под капюшоном сверкали острые металлические зубы, и вспыхивающая боевая оптика мерцала тусклым вишнёво-красным светом.

- Знаете, вам совсем ненужно носить командную гарнитуру, - сказал Тота Мю-32. - Если вы лучше сконцентрируетесь, то унаследованные от отца аугметические глаза смогут эффективнее показывать инфосферу.

Авреем кивнул. - Знаю, но не уверен, что смогу полностью контролировать загрузку ноосферных данных и чувствовать себя комфортно в одиночку управляя "Виртаненом".

- Вы - благословлённый Машиной, - ответил Тота Мю-32. - Доверьтесь Омниссии и всё будет хорошо.

- Если этот чёртов ублюдок благословлён Машиной, то, какого хрена он едва не сломал манипулятор нашего крана? - раздался резкий голос.

Авреем повернулся и в этот момент из-за угла широкой опорной плиты "Виртанена" показалась группа из шести человек. Все шесть были в комбинезонах крепостных, их лица выглядели такими же усталыми и подлыми, как у бригад нижних палуб "Сперанцы". У троих виднелась аугметика на руках и черепах, остальных украшали татуировки крана, ирокезы и ритуальный пирсинг в бровях. Они несли тяжёлые силовые ключи и другие, выглядевшие столь же опасными инструменты.

Прямо под кожей говорившего пульсировала грубо нанесённая электро-татуировка в виде волчьей головы, покрытая биоэлектрической статикой. Он держал гудящий магнитный молот в усиленных поршнями руках и, похоже, умел им пользоваться в ограниченном пространстве.

- “Вульфси”, - сказал Авреем.

- Это вы, сукины дети, едва не задели нас! - разозлился Хоук. - Что, во имя Тора, такие слепые идиоты, как вы забыли в кабине крана?

Горячность Хоука застала подошедших врасплох, но, несмотря на эмоции, новоиспечённый крановщик был прав. Опасное сближение являлось ошибкой команды “Вульфси”, но было не похоже, что они разделяли его мнение.

- Слушайте, - начал Авреем. - Ничего же не произошло, так? Никто не пострадал и все будем осторожнее в следующий раз, верно?

- Никакого следующего раза не будет, - прорычал предводитель бригады “Вульфси”. - Медицинская каталка - вот единственная вещь, которой ты будешь управлять.

Инфоток Тота Мю-32 запульсировал бинарными символами власти.

- Вы должны немедленно вернуться на свои посты, - сказал он. - Если нарушение протоколов управления краном имело место, то заверяю вас, что виновные понесут заслуженное наказание.

- Не вмешивайтесь, надсмотрщик, - предупредил человек, положив магнитный молот на плечо.
- Крановщики разбираются по своим правилам.

“Это, по крайней мере, правда”, - подумал Авреем, но сейчас он жалел об этом.

Человек бросился к Авреему, замахнувшись молотом по жестокой дуге.

Авреем почувствовал порыв воздуха, и мимо пронеслось чёрное пятно. Он вздрогнул, когда раздался щелчок электро-кнута. Посмотрев вверх, он увидел, что лидер крановщиков “Вульфси” приколот к опорной плите “Виртанена”.

Левая рука Расселаса Х-42 натянулась струной, электро-цепы стали твёрдыми, пронзили человеку плечо и подняли на метр над палубой. По комбинезонам крановщика потекла кровь, а лицо побледнело от боли и шока. Расселас Х-42 отвёл правую руку, визжащие цепи превратились в режущие когти потрескивающего металла.

- Жизнь или смерть? - спросил аркофлагеллант.

Между мучительными рыданиями крановщик прокричал. – Жизнь!

Расселас Х-42 подался вперёд, глаза убийцы и пульсирующая Шестерёнка Механикус омывали лицо человека кроваво-красным светом.

– Он говорит не с тобой, – произнёс Авреем. – Он спрашивает у меня, должен ли убить тебя.

– Нет, пожалуйста! – завопил человек, отчаянно пытаясь не дёргаться, чтобы не расширить рану в плече. – Не убивайте меня!

Оставшаяся бригада “Вульфси” отступила от аркофлагелланта, напуганная его невероятной скоростью и силой. Вдоль всей его руки показались химические шунты, подкожные адреналиновые стимуляторы приготовились перевести биомеханического убийцу в боевой режим. Любой, кому не повезло оказаться на пути неистового аркофлагелланта, почти наверняка умрёт, а слухи о том, как Расселас Х-42 вырезал эльдар распространились по нижним палубам подобно вирусу.

Агрессия команды “Вульфси” испарилась, как вода над огнём. Они побросали импровизированное оружие и отступили с поднятыми руками.

– Отпусти его, Х-42, – велел Авреем. – Он больше не будет создавать проблем, не так ли?

Мужчина покачал головой, прикусив губу, сдерживая крик.

Цепы-когти аркофлагелланта вернулись в перчатки, и человек упал на палубу, взыв от боли. Сжимая раненое плечо, бригадир “Вульфси” направился за собратьями-крановщиками, испуганно оглядываясь на аркофлагелланта, словно ожидая, что тот атакует, как только он повернётся к нему спиной.

Расселас Х-42 проигнорировал его и накиннул капюшон.

Хоук ликующе закричал, согнувшись от веселья.

– Вы видели его лицо? – сумел произнести он, давясь от смеха. – Шары Тора, уверен, что он собирался нагадить себе в штаны!

Аркофлагеллант встал за плечом Авреема, запах химически стимулированной физиологии превратился в сильную терпкую вонь. К этому времени уже собралась толпа, чтобы понаблюдать за стычкой, но люди отступили под взглядом аркофлагелланта, мёртвые глаза которого следили за ними, как за скотом на бойне.

Авреем, видел, что, сколько лиц вытянулось в страхе, столько же и засветилось обожанием.

- Мы должны вернуть X-42 в дормис-палату, где я снова попробую активировать его успокоительный шлем, - сказал Тота Мю-32. - Я не могу позволить ему оставаться с вами. Тот крепостной выжил чудом.

- Его рана не слишком серьёзна и он больше не станет беспокоить нас, - сказал Койн.

- Ты неправильно понял, - возразил Тота Мю-32. - Надсмотрщик "Вульфси" услышит об этом. Как и высокопоставленные магосы, сомневаюсь, что им понравится, что простой крепостной с нижних палуб владеет аркофлагеллантом. А когда они узнают, что я сделал для вас аугметическую руку, нас обоих ждут неприятности.

- Что, по-вашему, они сделают? - спросил Авреем.

- Они придут забрать X-42. И вашу руку.

- Хотел бы посмотреть, как они попробуют, - сказал Хоук, подняв руку и собираясь дружески хлопнуть аркофлагелланта по плечу. Он убрал её, когда Расселас X-42 повернул голову и обнажил острые металлические зубы.

- Да, - с мрачным удовольствием сказал Авреем. - Пусть попробуют.

- Открывай, - произнёс Робаут, и Павелька отключила системы безопасности, которые сохраняли воздух внутри герметичного грузового отсека. Окружавшие ромбовидную рампу высадки лампы начали вспыхивать вращающимися жёлтыми сигналами. Над палубой разнёсся вой сирены, предупреждая о разгерметизации на случай, если они оказались неожиданно ослеплены. Ванты задрожали из-за внезапного исчезновения воздуха, и у Робаута зашумело в ушах от выравнивания давления с внешним миром.

Даже несмотря на термоэлементы, вплетённые в ткань скафандра, он ощутил острый холод мира снаружи. Жёлтый свет сменился на красный, хотя недвусмысленный смысл предупреждения оказался бы бесполезен для любого, кто не покинул грузовый отсек, потому что они были бы уже мертвы из-за отсутствия атмосферного давления.

По обеим сторонам посадочной ramпы заскрипели поршни метровой толщины, выдвигая тяжёлую металлическую плиту наружу, создав зубчатый скат на поверхность планеты. Робаут потрясённо заморгал от ослепительной яркости отражённого ото льда солнечного света, пока поляризационные фильтры не затемнили шлем.

- Давайте посмотрим, на что похожа планета за пределами галактики, - произнёс Робаут, выезжая из шаттла в город железа и шума, арочных молний и гор кованого железа, которые выглядели слишком большими, чтобы надеяться сдвинуться с места.

Космопорт-мегаполис.

Вот что стало первым впечатлением Робаута после высадки из шаттла “Ренарда”. Грав-сани грациозно скользили над шестиугольными плитами сотовидных пластин, типичных для любой посадочной площадки Империиума, и резко затормозили, когда он снизил мощность двигателя.

– Почему мы остановились? – спросила магос Павелька. – Возникла проблема?

Робаут повернулся в кресле грав-саней, но слова застыли у него в горле, когда капитан увидел, как посерела кожа магоса.

– Мой кожный слой укрепился, чтобы противостоять различным уровням радиации, давлению и температуре, – произнесла она, отвечая на неизбежный вопрос.

– А, тогда хорошо, – сказал Робаут, собираясь с мыслями, чтобы ответить на первый вопрос Павельки и не показаться грубым или разочарованным. Он потратил несколько секунд, осматриваясь и замечая множество квадратных контейнеров, выгруженных из кораблей Механикус сервиторами в экзо-броню. Гусеничные заправщики двигались мимо потрескивающих пустотных генераторов по строго определённым маршрутам, в то время как армия кранов укладывала постоянно растущую гору припасов в укрепленные склады. Герметичная техника кадианцев выкатывалась из вместительных трюмов имперских десантных кораблей, но сначала логисты Механикус проверяли целостность корпусов, прежде чем разрешить двигаться дальше.

Благодаря активности Механикус на поверхности Катен Вениа не осталось даже намёка на то, что планета представляла собой неизведанный мир в последние минуты существования.

– Это похоже на любой другой перевалочный центр, – сказал он.

– А на что это, по-вашему, должно быть похоже? – спросила Павелька. Робаут пожал плечами, не самое простое дело в громоздком скафандре. Радость от обнаружения миров и открытия неизведанных регионов космоса никогда не покидала Робаута, сколько бы новых небес и девственных горизонтов далёких планет он не повидал. Хотя посадочные площадки были переполненными жрецами в мантиях, сервиторами с серой кожей и шумной деятельностью, он не видел ничего, что напоминало бы радость, только монотонное выполнение повседневных задач.

– Я думал, что это место будет отличаться, – ответил Робаут. – В конце концов, мы исследуем новый мир.

– Незнакомая окружающая среда – ещё большая причина работать по установленным методологиям.

Робаут понимал бессмысленность объяснений, что исключительный момент истории втапывался в грязь перемалывающей механической активностью Механикус, но чувствовал, что должен попытаться.

- Это мир за пределами галактики, Иланна, - сказал Робаут. - Мы первые люди, которые ступили на него больше чем за три тысячи лет. Для тебя это ничего не значит?

- Соглашусь, что с научной точки зрения этот мир представляет значительный интерес, но геологически он ничем не отличается от остальных: металлическое ядро, слои камня и льда. Он ничем не отличается от любого планетарного тела в пределах условных географических границ имперского пространства. Скоро расширяющаяся корона звезды поглотит его. И затем всё закончится.

- Я не могу объяснить так, чтобы ты поняла, Иланна, но этим моментом нужно наслаждаться и его нужно зафиксировать. Когда моряки переплывали далёкие океаны Старой Земли среди них не было человека, который бы не испытывал удивление от увиденного. Если они возвращались живыми, то их чествовали как героев, бесстрашных исследователей, повидавших людей и места, которые невозможно представить.

- Этот момент регистрируют, - ответила Павелька. - Большим количеством способов, чем вы можете представить.

- Я не это имею в виду.

- Я знаю.

Робаут покачал головой, раздражённый буквальностью Павельки, но прежде чем он продолжил попытки убедить магоса, что она упускала суть, воздух расколол оглушительный грохот звуковой волны и рёв двигателей.

- Что за...? - начал он, одновременно с тем, как множество аварийных сигналов вспыхнули на диспетчерских вышках посадочных площадок и многочисленные струи пара вырвались в небо, предупреждая приближающийся корабль о несанкционированном отклонении от курса.

- Что это? - спросил Адара, прикрыв визор перчаткой, чтобы лучше рассмотреть пятно чёрно-белого цвета над сверкающими пиками азотных ледников.

Ревущий корабль исчез из вида, но Робаут точно знал, что это было.

- Это - "Громовой ястреб", - сказал он. - Проклятые Храмовники идут впереди нас!

- Похоже, ревность крестоносцев распространяется на исследовательские путешествия не меньше чем на военные кампании, - заметила Павелька.

- Чёртов Танна, - выругался Робаут. - Архимагос Котов обещал нам право первого прохода.

- Не похоже, что Храмовники знают это, - сказал Адара.

Робаут расстроенно ударил кулаком по панели управления. Прodelать весь этот путь только для того чтобы кто-то другой первый достиг места назначения было не просто обидно, а являлось тяжёлым ударом по всему, чего он собирался достичь.

- Заключение: Думаю любое разочарование, которое вы испытываете, скоро пройдёт, - сказала Павелька, осматривая посадочные площадки.

- О чём ты говоришь?

Павелька указала за его плечо. - Потому что выходят сухопутные левиафаны.

Прошло много лет с тех пор, как Танна управлял "Громовым ястребом", но полученные на полях битв знания вернулись, едва он сел в кресло пилота. Сквозь поляризованное бронестекло кабины открывался изумительный вид: великолепное небо блестящего северного сияния, высокие ледники замороженного азота и клубившиеся штормы испарений. Отмели переохлаждённого тумана вздымались в непредсказуемых атмосферах и ослепительные лучи света вырывались из водопадов газа.

Он сохранял высокую скорость десантно-штурмового корабля после того как вышел из боевого пикирования, проигнорировав повторяющиеся требования из контрольных бункеров Механикус восстановить электромагнитную привязь. Дух-машина "Барисана" отклонял все приказы, и Танна усмехнулся, представив изумлённых и пытавшихся понять, что произошло магосов, весь полётный график которых рухнул.

Адептус Астартес не подчиняются приказам других, не сейчас и никогда. Он позволил "Барисану" следовать на электромагнитной привязи до входа в атмосферу, а затем вернул управление. Вызывала смех сама мысль Механикус, что они могут подчинить гордый корабль Чёрных Храмовников.

- Как давно вы в последний раз управляли десантно-штурмовым кораблём, сержант? - спросил Ауйден, усевшись в кресло второго пилота и положив руки на вспомогательную контрольную панель.

- Шестьдесят лет назад, плюс-минус, - ответил Танна.

- Плюс-минус? Такая неточность не похожа на вас.

- Хорошо: шестьдесят восемь лет, пять месяцев и три дня.

- А, это заставляет меня чувствовать себя намного лучше во время полёта с почти нулевой видимостью в тумане на малой высоте над разрушающейся планетой, - сказал Ауйден, кивнув

на панель авионики, где почти каждый экран шипел статическими помехами и показывал противоречивые данные ауспика. – Разумеется, вы знаете куда направляетесь?

– Полученная от Механикус информация содержит примерное местоположение.

Ауйден постучал по бесполезному экрану. – Примерное?

Танна кивнул. – Неужели будет сложно найти что-то столь огромное, как космический корабль?

Он посмотрел на Ауйдена и несмотря на предостережения, сержант понял, что аптекарий согласен с его решением не подчиниться приказам Механикус и первыми достигнуть “Томиоки”. Быть Чёрным Храмовником – значит неустанно расширять границы Империи и покорять обнаруженное во имя Императора. Ауйден понимал это, как и каждый воин на борту “Барисана”.

– Сюркуфу это не понравится, – заметил аптекарий.

– Сюркуф – смертный, мы – Адептус Астартес. Скажи, кто больше имеет прав находиться в авангарде этого крестового похода?

Ауйден кивнул и замолчал, потому что Танна увеличил мощность двигателей и набрал высоту, уклоняясь от десятикилометрового гейзера из жидкого азота. Ледяная крошка хлестнула по кабине, и Танна внимательно следил за температурой двигателя. Реакция “Барисана” на команды уже стала медленной, потому что замороженные газы покрыли льдом передние кромки крыльев и рулевые поверхности. Сержант перенаправил выхлопные газы вдоль крыльев, плава лёд, но окружающая среда оставалась неумолимой.

– Сколько ещё до “Томиоки”? – спросил Ауйден.

– Неизвестно, но точно недолго, – ответил Танна, направляя корабль между двумя высокими горами распадающегося льда. – Судя по исходным данным Котова, предположительно флагман Телока находится не дальше чем в шестидесяти километрах от посадочных площадок. Дальномёры авионики не функционируют, но, по моему мнению, она прямо за этой долиной.

Ауйден поднялся из кресла второго пилота. – Тогда я подготовлю воинов.

Танна рискнул оглянуться и сказал. – Механикус не сильно отстанут от нас, Ауйден. Я просто хочу убедиться, что здесь безопасно, пока они не появятся.

– Ясно.

Танна вернулся к полёту и направил “Громовой ястреб” в узкую долину. Среди облаков замерзающего тумана и ослепительно сиявших азотных ледников он увидел, что в долине возвышается множество блестящих кристаллических башен, напоминавших огромные колонны какого-нибудь разрушенного храмового комплекса Старой Земли. Мерцающие изумрудные молнии танцевали в дымке между кристаллическими шпильями, ни один из которых не был меньше двадцати метров толщиной, и ветви отвратительного света лизали конические навершия, словно шипящее пламя перегоревших электросвечей.

Хлёткие разряды образовали дугу между колоннами и устремились к кораблю Храмовников. Танна ушёл в сторону от сверкающей электрической энергии и выругался, почувствовав, что упала мощность двигателей.

– Что-то не так? – спросил Ауйден, остановившись в двери кабины.

– Не знаю, – ответил Танна, стараясь сохранить высоту, но ещё больше зелёных разрядов протянулось от кристаллических колонн к “Барисану”. Из ауспика вырвался сноп искр, и сержант ощутил, как корпус десантно-штурмового корабля задрожал, словно раненый грокс. Панель с топографами взорвалась, и из разрушенного механизма повалил дым.

В этот момент корабль накренился, словно от удара сверху и Ауйдена отбросило в десантное отделение. Голова Танны покачнулась вперёд, когда двигатели заглохли от неконтролируемой электрической перегрузки. Крылья окутал дым, и сержант изо всех сил старался удерживать нос “Барисана”, который превратился из высокоманёвренного штурмового корабля в падающий с неба ста тридцати тонный кусок металла.

Чёрная скала мелькала по обе стороны от кабины, всего в трёх метрах от законцовок крыльев “Барисана”, который пулей вырвался из долины кристаллических колонн, и полетел над широким плато, окружённое кольцом зубчатых пиков. Оно напоминало поверхность бурного озера, мгновенно застывшее в какую-то далёкую эпоху, сохранив на поверхности каждую небольшую волну и рябь.

Увиденное в центре плато превзошло все ожидания и оказалось настолько невероятным, что Танна не поверил своим глазам.

– Держитесь, держитесь, держитесь! – крикнул он, потянув на себя штурвал, когда земля помчалась навстречу резко падающему десантно-штурмовому кораблю. – Мы снижаемся!

Прежде чем он успел сказать что-то ещё, “Барисан” врезался в гладкую поверхность со звуком разбившихся одновременно миллионов окон.